

Прежде чем перейти под контроль австралийской администрации, обитатели деревень, где свирепствовала (болезнь) куру, практиковали каннибализм. Съесть труп близкого родственника означало выразить ему свое почтение и любовь. Варили мясо, внутренности, мозг; истолченные кости подавали вместе с овощами. Женщины, надзиравшие за разделкой трупов и кулинарными операциями, оказывали этим мрачным трапезам особое предпочтение. Поэтому можно предположить, что они подцепляли болезнь при обработке зараженных мозгов, а затем, посредством физического контакта, заражали своих детей.

Клод Леви-Стросс, «Все мы каннибалы»

Настоящее дирижирует прошлым, словно музыкантами оркестра. <...> Поэтому прошлое кажется то ближе, то дальше. Оно то звучит, то умолкает. На настоящее воздействует лишь та часть прошлого, которая нужна, чтобы либо высветить это настоящее, либо затемнить его.

Итало Звево, «Самопознание Дзено»

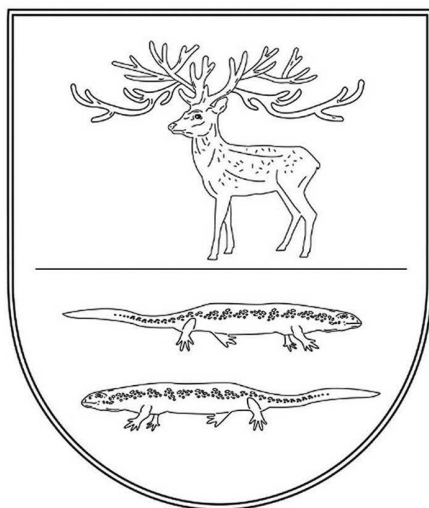
КИРА

Строить начали в сорок девятом, земля была мерзлая, киркой не зацепишь, и первой смене пришлось взрывать верхние слои грунта динамитом; одним из взрывов случайно вскрыли подземную линзу льда, древнюю реку, в которой были видны вмерзшие в полупрозрачную толщу рыбы и амфибии. Орех Иванович рассказывал, что при детонации по всей стройке разлетелись куски доисторического мяса, мужики собрали их, поджарили на костре и съели, ибо замерзшая во льдах плоть ихтиозавров прекрасно сохранилась. Эту историю Кира слушала, затаив дыхание, хотя и не верила до конца, ей казалось, учитель выдумывает или как минимум приукрашивает реальность, чтобы удержать внимание школьников, которые просто не будут слушать, если в рассказе нет динамита или динозавров. Орех Иванович никогда прямо не говорил, что первыми строителями были заключенные, но из его лекций было ясно, что покорять мерзлоту мужики приехали не по своей воле. Пайка не хватало, и, чтобы не умереть с голоду, рабочие стали ловить тритонов — ходили с ведрами и собирали их, как ягоды или грибы. «Тритонов здесь были тьмы. Особый вид — сибирские углозубы», — пояснял учитель. Уж если кто и заслуживает место на гербе нашего города, добавлял он, так это тритон и олень, потому что именно они — своим мясом и костями — спасли первую смену от смерти. Мужики быстро сообразили, что углозубы зимуют внутри сгнивших деревьев и в верхних слоях почвы, во мхах. Их то и дело находили при корчевании пней. Мяса там было всего ничего, поэтому их бросали в суп, «для бульона». И также с оленями — чуть на север была священная саамская земля, местные называли ее «рогатым кладбищем». Бог знает почему, но животные приходили туда

Алексей Поляринов

умирать. Очень скоро мужики добыли лук и стрелы, — возможно, сделали сами, а может, обменяли у местных племен на пару динамитных шашек или просто украли, кто теперь скажет? — и иногда ходили к рогатому кладбищу, караулить оленей; затем разделявали тушу и шили из шкур обувь и одежду, а кости бросали в кипящую воду к тритонам и пили бульон.

Когда первая смена закончила работу и от Сулима в 56-м на восток потянулась железная дорога, мужики — те из них, кто ухитрился не умереть, — объявили углозубов и оленей своими тотемными животными. С тех пор хвостатый и рогатый считались покровителями города, и их изображения украшали герб и ворота ГОКа, а матери и бабушки вязали детям свитера с орнаментом в виде сплетенных вместе рептилий и оленьих рогов.

Тритоны были важной частью жизни для всех сулимчан, особенно для школьников. После уроков дети иногда от нечего делать шли в перелесок, раскапывали палками грунт вокруг деревьев и пней, находили углозубов, отогревали и вместе наблюдали за тем, как в теплых руках окоченевшая, неживая мелкая рептилия начинает дергать лапками, шевелиться, как раскры-

ваются ее веки и оживают черные глаза — это было похоже на воскрешение из мертвых. Дети играли с ними, обменивались, давали имена и брали домой, а иногда рассказывали друг другу небылицы о песнях земноводных. Последними полнился детский фольклор. Осенью роза ветров менялась, и карьер начинал издавать звуки, похожие на тихое, многоголосое, тоскливое мычание — движение воздуха внутри его колоссальной архитектуры рождало странные ноты. Одни говорили, что это песни той самой первой смены рабочих — тех, кто не выжил, — их голоса застряли во времени, как рыбы в сети; другие твердили, что это тритоны поют голосами людей.

Однажды Кира тоже нашла углозуба внутри старого пня, завернула в платок, положила в карман и отнесла домой. Отогрела в ладонях, обустроила ему дом в обувной коробке, принесла коры и мха. Она назвала его Вадиком и иногда разговаривала с ним. Ей нравилось слушать, как он копошится, царапает картонное дно, пытается вырыть нору.

Вадик, впрочем, прожил у нее недолго. Пока она была в школе, мать зашла в комнату и заглянула в коробку. Вечером дома Киру ждал скандал. Мать редко ругалась, но если открывала рот, то так, что дрожали стены, а соседи закрывали уши своим детям. От криков матери Кира сама как будто превращалась в тритона — цепенела, замыкалась, проваливалась в себя; внутри все холодело, и у нее словно вышибало пробки в голове — защитная реакция. Мать замечала это и злилась еще сильнее: «Вот я пытаюсь тебе вдолбить тут, а у тебя взгляд стеклянный! Чего ты мертвую изображаешь?» Мать не была намеренно жестока, она просто все делала шумно и наотмашь — смеялась, говорила, воспитывала дочь.

Тритонов мать отчего-то боялась — так же сильно и глупо, как слоны боятся мышей. Еще она боялась красоты. Или даже не так: красивые, изысканные вещи приводили ее в ужас. Увидев что-то красивое, она тут же в уме считала — сколько оно может стоить; причем считала не в рублях, а в булках хлеба и килограммах мяса. Для Киры ей, в общем, ничего было не жалко: подарки на дни рождения, хорошая одежда, учебники — все это Кира полу-

Алексей Поляринов

чала, но за красивые вещи всегда расплачивалась тем, что постоянно должна была выслушивать причудливую материнскую математику: «На эти деньги можно год питаться свежими отбивными!», «А это — целых сорок булок бородинского!».

Говорили, что раньше мать была самой завидной невестой в городе, но после сорока — Кира тогда еще училась в начальной школе — мать как-то внезапно постарела, ссутилась, а над верхней губой выросли черные усики, которые она то ли не замечала, то ли просто не думала, что их замечают окружающие.

Уже «двадцать с гаком» лет мать руководила главной и единственной сулимской поликлиникой при комбинате и страшно гордилась тем, что за эти «двадцать с гаком» лет ее никто не смог подвинуть с должности. Хотя, с гордостью добавляла она, охотники были. Но она их всех переохотила.

Когда Кира окончила школу, мать тут же стала ее пристраивать — сначала в клинику, затем на цоколь. Цоколем здесь называли морг, и туда, как на фронт, мать отправляла стажеров, проверить на стойкость. «По моим стопам пойдешь», — говорила она. Но Кире не нравились материнские стопы, и, более того, на цоколе с ней однажды приключилось странное: было ночное дежурство, она несла в прозекторскую инструменты, и кто-то сзади окликнул ее по имени. Какой-то тонкий, детский голос. Она обернулась, но коридор был пуст. С тех пор она старалась держаться от цоколя подальше, а спустя неделю и вовсе призналась матери, что больше не может работать, потому что длинные клаустрофобные выложенные белой плиткой коридоры ее пугают (о том, что в этих коридорах жил детский голос, окликнувший ее по имени, она умолчала).

— Странная ты, Кирка, — сказала мать. — Как будто кукушка мне тебя подкинула. Ишь че, коридоры ее пугают. Откуда ж ты взялась такая нежная, на Крайнем-то Севере?

Кира поехала в Мурманск и поступила в пединститут и на четвертом курсе вернулась на практику — весной вела уроки у младших классов и помогала Ореху Ивановичу в архиве при библиотеке. Именно там, в читальном зале в марте 1986 года она впервые встретила Титова.

У всех маленьких отдаленных городов есть одна особенность — сплетни здесь разносятся быстрее, чем сигналы боли по нервным узлам. Вот и в этот раз весть о том, что в городе видели приезжего, судорогой прошлась по улицам и лестничным клеткам. Уже на следующий день все знали, что некий товарищ Титов приехал в Сулим собирать информацию о «рабочей демонстрации 2 июня 1962 года». Никто не говорил об этом вслух, наоборот, местные старательно молчали, но даже в их молчании чувствовалось нарастающее напряжение давно назревшего разговора.

Кира отлично помнила день, когда он появился. Это была ее смена, Орех Иванович ушел на обед, и она сидела одна в читальном зале за стойкой, скрепляла переписные журналы и раскладывала карточки в именном указателе.

Когда Титов зашел в зал, она его сразу узнала — приезжего легко опознать по одежде, особенно если с Большой земли; они всегда одеты слишком хорошо, даже если пытаются сойти за своих. На нем была черная куртка с кучей молний и капюшон с меховым краем; и обувь — коричневые кожаные сапоги, хорошие, новые, с высокой шнуровкой, таких не достать ни в Сулиме, ни в Мурманске.

Он вежливо поздоровался, протянул квитанцию и разрешение с инвентарными номерами. Кира проверила печать и подпись Ореха Ивановича, ушла в хранилище и вернулась со стопкой переписных журналов из архива ГОКа за 1962 год. Титов расписался в получении, сгрузил стопку на телегу и покатил ее между пустыми рядами столов читального зала. Снял куртку и повесил на спинку стула, под ней на нем был шерстяной свитер крупной вязки с высоким воротником. Весь день он провел в зале, сгорбившись над журналами, бормоча что-то себе под нос, делая пометки в тетради — Кира заметила, что он левша, — ни разу не отвлекся, не ел, не пил, даже в уборную не отлучался. И когда Кира подошла сказать, что архив закрывается, он поднял голову и несколько секунд смотрел на нее сонным, осоловелым взглядом, словно не мог вспомнить, кто она такая и где он находится.

— Уже шесть, мы закрываемся, — повторила Кира.

Алексей Поляринов

> > >

Сулим был город небольшой – двенадцать тысяч человек, девять улиц, тридцать шесть переулков. Проспект имени XX съезда КПСС пронизывал его насквозь с юга на север. К проспекту перекрестками – как ребра к позвоночнику – крепились улицы, названия которых с самого детства вызывали у Киры кучу вопросов. Названия были такие:

Улица имени 1-й Краснознаменной танковой бригады имени К.Е.Ворошилова

Улица имени 2-й Краснознаменной танковой бригады имени К.Е.Ворошилова

Улица имени 3-й Краснознаменной танковой бригады имени К.Е.Ворошилова

Улица Горького

Улица имени 4-й Краснознаменной танковой бригады имени К.Е.Ворошилова

Улица имени 5-й Краснознаменной танковой бригады имени К.Е.Ворошилова

Улица имени 6-й Краснознаменной танковой бригады имени К.Е.Ворошилова

Улица имени 7-й Краснознаменной танковой бригады имени К.Е.Ворошилова

Еще будучи ребенком, глядя на карту, она задавалась вопросом: кто мог додуматься до такого – назвать почти все улицы в центре в честь танковых бригад? Есть вероятность, конечно, что в год основания Сулима – 1956-й – танковые бригады были в моде; или, возможно, сами градостроители были большими поклонниками танковых бригад и лично К.Е. Ворошилова. Но даже это объяснение не объясняло того факта, что между третьей и четвертой танковыми бригадами оказался зажат пролетарский писатель Максим Горький. Вот так и выходило, что карта Сулима была одновременно похожа на абсурдное стихотворение и – если проявить фантазию, – на перевернутый скелет великана. В области «копчика» у него располагался автовокзал, из «горла» тремя трубами торчали ГОК и при-

легающая к нему железнодорожная станция, из которой раз в неделю на Большую землю отправлялись груженные рудой составы – и грохотали так, что в квартирах на Первой Краснознаменной бряцала в сервантах посуда. Роль «головы великана» на карте исполнял карьер – огромная дыра в мерзлоте диаметром 1,6 км.

В школе Киру учили, что название города происходит от фамилии великого советского геолога Ивана Петровича Сулима, который в 1933 году обнаружил в Мурманской области одно из самых крупных в мире месторождений железной руды. Горно-обогатительный комбинат – сокращенно ГОК – проектировали уже без него, но по его заветам. В местном ландшафте ГОК был самым большим и впечатляющим строением – помимо карьера, разумеется, – и, пожалуй, одной из главных его достопримечательностей. Огромные серые трубы, торчащие из лесотундры Заполярья.

На площади напротив администрации стоял памятник Сулиму, который местные называли просто «голый мужик». Неизвестный скульптор изобразил великого советского геолога в виде огромного мускулистого героя. Он был похож на Самсона, разрывающего пасть льву. Только вместо львиной пасти в руках он держал огромный молот, которым забивал в вечную мерзлоту первую сваю.

Киру с детства беспокоило отсутствие на Сулиме одежды. Это же просто нелепо – в таком виде геолог никак не мог открыть месторождение руды, потому что умер бы от переохлаждения и пневмонии. Будь он хоть дважды полубог, думала она, когда на улице минус пятьдесят, без шерстяных колготок и теплых носков не обойтись.

Памятник многим не давал покоя. Возможно, потому что был, по сути, единственным произведением искусства в городе [если не считать мозаику на потолке в зале ожидания на вокзале, но об этом позже]. Очевидная, кричащая сексуальность железного Сулима сыграла с ним злую шутку: уже в шестидесятых словосочетание «забить сваю» у местной молодежи стало означать «заняться сексом».

Алексей Поляринов

Карьер для всех здесь был главным местом паломничества. Дети приходили сюда слушать песни тритонов или играть — в прятки, в войну, подростки — «забивать сваи», взрослые — в основном выпивать или напиваться. Огромный, овальный, похожий на кричащий от боли рот, карьер был единственным местом в округе, где можно было ощутить масштаб и грандиозность мира. Кира тоже любила приходить сюда, разглядывать тектонические слои пород; «память Земли» — так называл их Орех Иванович.

Орех Иванович, конечно же, на самом деле был Олегом. «Орехом» его прозвали школьники — бугристая, лысая, смуглая голова его напоминала скорлупу грецкого ореха, отсюда и прозвище. О прозвище он знал и относился к нему с юмором — и даже сам себя иногда так называл ради смеха. Он вообще был человеком беззлобным, а голос если и повышал, то разве что в пылу азарта, когда рассказывал детям истории об углозубах, оленях и гербе Сулима. Поэтому Кира удивилась, когда впервые услышала в его голосе раздражение — он был ужасно недоволен тем, что кто-то с Большой земли вот так открыто приехал копать в архивах. Сперва Кира решила, что Орех Иванович злится на чужака, но очень быстро поняла, что все гораздо сложнее, — он всерьез беспокоился за его безопасность.

В следующий раз Кира встретила Титова уже на улице — вышла из библиотеки на площадь перед ГОКом и увидела его. Он стоял возле здания администрации и смотрел куда-то вниз, то ли брусчатку разглядывал, то ли собственную обувь. Даже со спины было видно, что он нездешний — плечи держит не так, стоит как-то неправильно. Кира сначала прошла мимо на остановку, но любопытство победило — вернулась.

— У вас все хорошо?

— А-а? — он обернулся на нее.

— Вы вот так стоите уже пять минут. Я просто подумала...

— А, да, — он улыбнулся, — задумался. Смотрю вот на табличку.

Он показал. Кира увидела в брусчатке, прямо в одном из камней табличку с гравировкой — два столбика имен и дата.

Р и ф

Бабулин Анатолий Николаевич
Величкин Владимир Сергеевич
Виноградов Иван Иванович
Волосков Владимир Михайлович
Груздев Алексей Михайлович
Гущин Станислав Сильвестерович
Дзюба Петр Тихонович
Жиленков Андрей Михайлович
Зеленин Евгений Ильич
Китце Нина Иосифовна
Копелев Лев Александрович
Леонев Иван Павлович
Лиманцев Федор Георгиевич
Мазанов Василий Александрович

Мешков Григорий Федорович
Новиков Алексей Иванович
Пирогов Алексей Валерьевич
Пирогов Леонид Валерьевич
Пирогов Валерий Павлович
Поденица Александр Осипович
Предник Эрнст Генрихович
Резвин Михаил Семенович
Розенталь Карл Карлович
Савченко Иван Акимович
Строганов Иван Семенович
Тихомиров Алексей Яковлевич
Тюрин Иван Васильевич

2 июня 1962 года

Кира еще раз перечитала имена и огляделась, окинула взглядом площадь. Она сотни, тысячи раз ходила здесь, возможно, даже наступала на эту табличку, но ей и в голову не приходило, что тут есть табличка с именами. Впрочем, неудивительно, подумала она, ее как будто специально вбили в брусчатку именно здесь, на краю, — чтобы спрятать. Площадь уже давно была «захвачена» другим монументом — «голым мужиком», установленным в самом центре, — и всей своей кричащей, вызывающей обнаженностью он умножал невидимость окружающих объектов. Кроме него на общем фоне блеклых типовых пятиэтажек выделялось разве что здание администрации — в его фасаде чувствовался замысел, прикосновение архитектора, хотя Кира и не смогла бы сказать, что это за стиль.

Она еще раз перечитала имена на табличке. Титов молча стоял в стороне, сунув руки в карманы.

— В школе нас водили сюда на экскурсию, но я совершенно не помню эту табличку. — Она помолчала, обернулась на Титова. — Олег Иванович называет вас «безрассудным молодым человеком».